

АНАЛИЗ ПО СЕМАНТИЧЕСКИМ МИКРОСИСТЕМАМ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Светлой памяти Тадеуша Милевского

Предложенное нами понятие «семантическая микросистема»¹ возникло чисто эмпирическим путем². Длительные занятия этимологией привели к убеждению, что изменение в семантике лексем, независимо от того, произошло ли оно в результате внутреннего развития или иноязычного воздействия, никогда не ограничивается данной лексемой, но вызывает своеобразную цепную реакцию в значении некоторого числа семантически близких лексем. В связи с этим встал вопрос о более строгом определении характера этой близости. С самого начала было ясно, что лексем, втянутые в общий процесс семантических изменений, каким-то образом соотносятся между собой. Эти отношения характеризуются, по-видимому, степенью семантической близости.

¹ Автор признал целесообразным замену термина семантическая микроструктура, которым он пользовался в своих прежних работах, термином семантическая микросистема. При этом он учел высказанные в разное время замечания А. Е. Михневича и К. Полянского. Здесь и далее термин семантическая микросистема употребляется в смысле, адекватном смыслу термина семантическая микроструктура.

² См.: В. В. Мартынов. О некоторых закономерностях становления семантических микроструктур. — «Тезисы докладов, предназначенных для обсуждения на 1-й Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания». Минск, 1961, стр. 25—29; Он же. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 39—40; Он же. Славяно-германские лексические изоглоссы. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. 27, 1963; Он же. (Ответ на вопрос): До каква степен и по какъв начин може да се възстанови лексикалният фонд на праславянския език? — «Славянска филология», I. София, 1963, стр. 63—64; Он же. Метады решаваня некоторых типовых этимологических задач. — «Беларуская мова». Минск, 1965, стр. 188; Он же. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 4, 1965, стр. 77—78; Он же. Анализ по семантическим микроструктурам и реконструкция праславянской лексики. — «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 16—17.

Естественно, появилось стремление определить сущность близости, дальнейшее увеличение которой ведет к идентификации. В результате возникло предположение, что степень семантической близости между лексемами измеряется количеством дифференциальных семантических признаков и, следовательно, максимальная степень определяется расстоянием в один признак. То, что в том или ином случае имеет место противопоставление по одному дифференциальному признаку, доказывается возможностью семантической нейтрализации.

Исследовательская практика потребовала выделения пар лексем, различающихся одним признаком. В соответствии с известной традицией, лексемы с дополнительным дифференциальным признаком мы назвали маркированными. На этом процесс конструирования понятия «семантическая микросистема» фактически завершился. Семантическая микросистема была нами определена как элементарная семантическая подсистема, состоящая из одной немаркированной и минимум одной маркированной лексем. Число существенных для семантической микросистемы признаков определялось при этом числом маркированных лексем. Было бы глубоко ошибочным считать данное построение механическим переносом (как это нередко бывает) понятий, выработанных в фонологии, в сферу семантики. Не говоря уже о его чисто эмпирическом возникновении, оно получает, как впоследствии оказалось, теоретическое обоснование именно в самой семантике, в теории номинации, разработанной Я. Розвадовским³⁻⁴. Розвадовский считал, что всякий акт номинации есть порождение двухсоставного образования, состоящего из идентифицирующего и дифференцирующего элементов. Легко заметить, что, независимо от того, какой идентифицирующий и дифференцирующий признаки лягут в основу корреляции, вновь образованная номинативная единица будет состоять из двух элементов. В дальнейшем постоянное стремление языка к экономии в плане выражения приводит к тому, что двусоставное образование утрачивает свой идентифицирующий элемент, когда он становится легко предсказуемым.

В процессе номинации обязательно возникает то, что мы называем семантической микросистемой. Новая номинативная единица маркируется по отношению к старой. В современном русском языке примером такого рода маркировки может служить *большая дорога* по отношению к *дорога*. То, что *большая дорога* является единой номинативной единицей, а не словосочетанием типа *малая дорога*, доказывается ее способностью к универбизации (*большая дорога* > *большак*). В лексеме *большак* при последовательной универбизации сохранена первичная мотивировка. Вот почему эта

³⁻⁴ J. Rozwadowski. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Wybór pism, III. Warszawa, 1960.

лексема, представляющая несомненный интерес с точки зрения словообразования, отсутствует в этимологических словарях. Другое дело, когда исчезает первичная мотивировка в результате утраты лексемы, выполнявшей функцию дифференциального элемента, функцию маркировки. Такого рода случай и становится объектом изучения этимолога. Так, если в праславянском существовала лексема *virъ*, генетически тождественная лит. *výras* 'муж, мужчина', то др.-русск. *вира*, *вирьната* 'штраф за убийство' получит объяснение в семантической микросистеме *plata—virъna plata*, т. е. 'плата (вообще)—плата за мужа'.

Нас, однако, здесь интересует не столько теоретический аспект этимологии в связи с теорией номинации и анализом по семантическим микросистемам, сколько эвристические возможности последнего. Для определения этих возможностей перейдем к рассмотрению конкретных примеров.

Как показывает этимологическая практика, анализ по семантическим микросистемам оказывается в равной мере эффективным при решении двух центральных этимологических проблем: проблемы этимона и проблемы источника лексического проникновения. Сообразно этому делению рассмотрим две группы примеров.

Начнем с реконструкции праславянской семантической микросистемы [лес].

Названиям леса в славянских языках посвящена огромная литература, и мы не имеем никакой возможности войти в ее детали. Однако, как нам представляется, эффективность анализа по семантическим микросистемам дает нам возможность получить новые результаты, вводя в круг исследования факты, достаточно известные. Реконструкция праславянской семантической микросистемы [лес] предполагает определение первичных дифференциальных признаков ряда названий леса и выявление немаркированного названия леса. Для решения этой задачи может быть предложена определенная процедура. Прежде всего нужно отобрать из множества лексем в современных славянских диалектах, связанных с семантикой леса, лишь те, которые хотя бы в одном из них значили 'лес вообще' (немаркированная лексема). Подобный отбор гарантирует нас от того, что в построенную таким образом семантическую микросистему попадут лексемы, отличающиеся от немаркированной более, чем на один признак. Легко понять, что семантическая нейтрализация, т. е. переход лексемы в состояние немаркированности, возможна лишь тогда, когда до нейтрализации она отличалась на один признак, т. е. нейтрализуются только коррелятивные отношения.

Отбор лексем, которые хотя бы в одном из славянских диалектов означают 'лес вообще', дает нам, по-видимому, шесть праславянских названий: *borъ*, *gora*, *gvozdъ*, *lěsъ*, *šuma*, *xvorstъ*.

Далее, согласно нашей процедуре, мы должны определить те из дифференциальных признаков реконструируемой микросистемы, которые сохраняются в явном виде. Это 'хвойный—не хвойный', 'на возвышенности—не на возвышенности'.

Как нам уже приходилось доказывать, севернослав. *borъ* 'сосновый (>хвойный) лес' < праслав. *borъ* 'pinus silvestris' под воздействием инновационного *sosna* 'pinus silvestris'. Следовательно, для раннепраславянского мы должны исключить *borъ* из нашей микросистемы.

Для праслав. *gora* только болгаро-македонский ареал демонстрирует значение 'лес'. Большая древность этой семантики, однако, подкрепляется, как известно, лит. *girià*, лтш. *dziņa* в том же значении (ср. также др.-прусс. *garian* 'дерево'). С другой стороны, древние славянские производные типа ст.-слав. *горѣ*, *горнь*, а также индо-иранские соответствия свидетельствуют в пользу дифференциального признака ('лес) на возвышенности'.

Для праслав. *gvozdъ* характерен сербохорватско-словенко-паннонский ареал с тем же кругом значений 'лес, горный лес'. Характерно, что *gvozdъ* полностью уходит из микросистемы там, где появляется новое *borъ*, что дает основание предполагать, что они были некоторое время абсолютно синонимичными. А поскольку севернослав. *borъ* надежно определяется как 'хвойный лес', тот же дифференциальный признак нужно для праславянского состояния приписать лексеме *gvozdъ*. Подобно *borъ* ~ *gvozdъ*, лингвогеографически в дополнительном распределении находятся *lěsz* ~ *šuma*. Сербохорватско-словенко-паннонский ареал знает *šuma* в значении 'лес'. Остальная славянская территория не знает этой лексемы в данном значении (болгарский ареал показывает значение 'листья, листва'). И *šuma* и *lěsz*, в отличие от *gvozdъ* и *borъ*, которые показывают дифференциальный признак 'хвойный (лес)', обнаруживают дифференциальный признак 'лиственный'. Ср. болг. *шума* 'лиственный лес', др.-чеш. *lesy* 'листва', н.-луж. *lěso* и западнополесск. *lěc* 'лиственный лес'.

Дополнительное распределение *gvozdъ* ~ *šuma* и *borъ* ~ *lěsz* свидетельствует, по-видимому, о вторичном характере одной из пар.

Нетрудно убедиться в том, что вторичной является *borъ* ~ *lěsz*. Во-первых, она расположена ближе к центру славянской территории, во-вторых, один из элементов этой пары (*borъ*) явно вторичен. Эти соображения дают нам право предположить вторичность *lěsz* в значении 'лес вообще' и 'лиственный лес'⁵. По-

⁵ Ср.: J. Marvan. K významu staročeského lexikálního materiálu pro slovanskou etymologii. — «Informační bulletin pro otázky jazykovědy», V, 1964, стр. 30—31, где др.-чеш. *lesy* 'листва' рассматривается как первичное и поэтому непосредственно соотносится с лит. *laiškas*. Последнее,

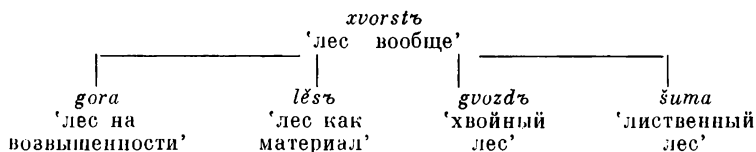
добно тому как *borъ* вытеснил первичное *gvozdъ*, *lěszъ* вытеснил старое *šuma*. Отсюда следует предположение о дифференциальном признаке 'лиственный (лес)' для лексемы *šuma*. Внутренняя форма *šuma*, если она правильно восстанавливается, как будто подтверждает это значение (как, впрочем, и внутренняя форма лексемы *gvozdъ* подтверждает выведенный для нее дифференциальный признак 'хвойный').

Но если для праслав. *lěszъ* дифференциальный признак 'лиственный (лес)' был вторичным, какой признак мы вправе считать первичным? Поскольку пара *gvozdъ* ~ *šuma* оказалась древнее пары *borъ* ~ *lěszъ*, у нас есть все основания искать первичный дифференциальный признак для *lěszъ* в ареале *gvozdъ* ~ *šuma*. Праслав. *lěszъ* в сербохорватско-словенско-паннонском ареале принимает исключительно значение 'лес как материал'. Мы должны признать это значение в качестве древнейшего еще и потому, что оно является сопутствующим и в других диалектах. Иными словами, *lěszъ* всюду означает 'lignum', но только на севере — 'silva'. Восстановление значения 'lignum' как первичного для *lěszъ* делает семантически обоснованным наше предположение о генетической соотнесенности праслав. *lěszъ* и лат. *lignum*. Формальная сторона, по-видимому, не препятствует этой гипотезе: лат. *lignum* < *lik'-no-m (как лат. *agna* < *ak'-na).

Нам осталось рассмотреть праслав. *xvorstъ*. Существенное отличие этой лексемы от других заключается в том, что значение 'лес вообще' сохраняется за ней только в паннонском ареале в венгерском славянизме *haraszt*. Помимо этого, в пользу древности *xvorstъ* 'лес вообще' свидетельствует то, что это единственное славянское название леса, имеющее индоевропейские соответствия с тем же значением (др.-англ. *hyrst*, др.-в.-нем. *horst* и др.). Все это дает нам основание реконструировать праслав. *xvorstъ* как немаркированную лексему, а семантическую микросистему [лес] для праславянского состояния представить в виде схемы 1).

Конечно, было бы неразумным считать эту реконструкцию одинаково надежной во всех ее частях. Мы, однако, здесь не можем провести анализ надежности ее компонентов. Предварительно можно сказать, что наиболее надежными являются маркировки лексем *gora* и *lěszъ*.

однако, весьма затруднительно в формальном отношении (*laiškas* < *loj-sk'-?). См.: K. Būga. Kalba ir senovė. Rinktiniai raštai, II tomas. Vilnius, 1959, стр. 286—287; Ср.: J. Scheftelowitz. Die verbalen und nominalen sk' und sk'-Stämme im Baltoslavischen und Albanischen. — KZ 56, 3/4, 1929. Затруднительно это сопоставление и семантически. Значения 'листва', 'лиственный лес' не выражаются в литовском при помощи *laiškas* и его производных. В этих значениях выступает лит. *lāpas*: ср. *lapijā* 'листва', *lapynas* 'лиственный лес'. Мы не касаемся здесь вопросов, связанных с возможностями соотнесения лит. *laiškas* ~ праслав. *listъ*.

Другой пример реконструкции праславянской семантической микросистемы — микросистемы [пища]. Проводим ту же процедуру. Лексемы, которые по крайней мере в одном славянском диалекте имеют значение 'пища вообще', могут быть, вероятно, сведены к трем: *xorna*, *pitja*, *kъrmъ*.

В качестве немаркированной лексема *xorna* ('пища вообще') выступает в южнославянском ареале. Соответствующее значение имеет в этом ареале глагол *xorniti*. В других славянских диалектах соответствующие имя и глагол выступают во вторичных значениях. Ср. русск. *охорона* 'защита, сбережение, сохранение', блр. *ахарона* 'защита', др.-польск. *chrona* 'защищенное место'. Преобладание префиксальных форм в этой группе также свидетельствует о вторичности значения; семантическое развитие: 'кормить' > 'ухаживать' > 'оберегать'. Наиболее надежна генетическая соотнесенность праслав. *xorna* и лит. *šerti* 'кормить (скот)', лтш. *sērt* 'кормить' и т. д. Было обращено внимание на регулярность соотношения лит. *šerti* и праслав. *xorna*⁶ (ср. праслав.

⁶ Sławski, стр. 81. Альтернативным является соотнесение праслав. *xorna* с др.-иран. *xvarəna* 'еда, питье', *xvar-* 'есть, вкушать, поглощать'. См. в самое последнее время: О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. — «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 36. Зафиксированный в Авесте глагол *xvar-*, по-видимому, надежно соотносится с исл. *svalla* 'пировать, кутить', англ. *swill* 'проглатывать, жадно пить' и др., т. е. восходит к и.-е. **swel-* 'проглатывать, жадно пить, есть', см.: Роконгу, стр. 1045. Таким образом, параллель *xorna*~*xvarəna* может толковаться только как результат заимствования или проникновения из иранского в славянский (праслав. *xorna* < скифо-сарматского *xvarna*). Однако для того чтобы принять такую версию, необходимо допустить: 1) наличие праславянских иранизмов (до сих пор не приведено ни одного надежного примера); 2) наличие фонетической субституции иран. *xv* > слав. *x* (начальное *xv* закономерно сохраняется в праславянском, в том числе в славяно-иранских параллелях типа авест. *xvara* 'рана' ~ праслав. *xvorъ* при др.-в.-нем. *swero* 'болезнь'); 3) закономерный переход интервокального *l* в *r* в скифо-сарматском (скифо-сарматская антропонимика свидетельствует как раз о сохранении старого интервокального *l*); 4) наличие семантической субституции 'глотание, еда (процесс)' > 'пища, забота, охрана' (семантического взаимодействия между праслав. *ědlo* и праслав. *xorna*, которое свидетельствовало бы о лексическом проникновении с последующей субституцией, не наблюдается). По сравнению с параллелью *xorna* ~ *xvarəna* параллель *xorna* ~ *šerti* обладает следующими преимуществами: она объяснима 1) фонетически (праслав.

steri ~ *storna*, русск. (*про*) *стереть* ~ *сторона*). Последнее свидетельствует о том, что *xorna* — закономерная праславянская инновация. Тот факт, что первичный, адекватный литовскому славянский глагол **xerti* (*šerti*)/*serti* не сохранился, может объясняться также широким распространением, как это часто бывает в языке, вторичного отыменного глагола *xorniti*, который перестал восприниматься как отыменный и тем самым создал угрозу абсолютной синонимии. Из других параллелей к *xorna*: греч. *κόρος* 'сытость', лат. *Ceres* 'богиня плодородия'. Попытка сближения лит. *šerti* и других генетически соотносимых с ним лексем с праслав. *kъrmъ* наталкивается на непреодолимые трудности фонетической и словообразовательной интерпретации. Таким образом, первичная немаркированность праслав. *xorna* подтверждается также надежными индоевропейскими параллелями, относящимися к той же семантической микросистеме [пища]. Остальные две лексемы таких параллелей не имеют.

Лексема *pitja* обнаруживается только в южнославянском ареале. В севернославянском различие *pitja* и *kъrmъ* утрачено в пользу *kъrmъ*. В праславянском же они должны были различаться. Так как *xorna* выступала как немаркированная лексема, *pitja* должна была отстоять от нее на один дифференциальный признак. В сербохорватско-словенском ареале для *pitja* сохраняется дифференциальный признак '(корм) для скота'. Если мы будем считать этот признак древним, первичный придется искать для лексемы *kъrmъ*. Поэтому с.-хорв. *kърмак* 'боров' и *kърмача* 'свинья' не могут быть истолкованы как 'откормленные' (*kъrmъ* — не 'корм для животных'). Другая возможность истолкования этой лексемы — 'жирные', тогда *kъrmъ* — 'жирная пища' (ср. ст.-слав. *кърмъ* 'питание, роскошная жизнь, невоздержанность'). Это сопоставление подтверждает регулярное соответствие с праслав. *skormъ* / < **(s)kerm-/ (s)korm-/ (s)kъrm-*. Ср. др.-русск. *скоромъ* 'жир, масло', русск. *скором* 'жирная пища', польск. *skrom* 'жир' и др. Это соответствие опровергает попытки соотнести праслав. *kъrmъ* с лит. *šerti*, что неубедительно как в фонетической части (*k* ~ *š*), так и в словообразовательной (отсутствие славянского суффикса *-m-*).

Все эти соображения дают нам право на реконструкцию праславянской семантической микросистемы [пища] ⁷ в следующем виде (схема 2).

x ~ лит. *š* ~ и.-е. *k'* регулярно: праслав. *xolpъ* ~ лит. *šelpi*, семантически — как гот. *magus* 'парень' ~ праслав. *po-magati* и др.); 2) словообразовательно (отглагольное производное с *-na* при *o*-огласовке корня); 3) морфологически (отсутствие первичного глагола **xerti* связано с его закономерной заменой вторичным отыменным *xorniti*: ср. отсутствие праслав. **dēti* ~ др.-инд. *dayate* 'делит', греч. *δαίωμα* 'делю' в связи с заменой его вторичным отыменным *dēliti*).

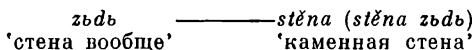
⁷ Если все же допустить, что праслав. *xorna* < иран. **xvarna* 'еда, питье', реконструкция праслав. *xorna* в качестве немаркированного по от-

Схема 2

Третий пример реконструкции праславянской семантической микросистемы — построение праславянской микросистемы [стена дома]. Названий стены дома в славянских диалектах, по-видимому, два: *stěna* и *zъdbъ* (resp. *zidъ*). Первое из них ограничено северно-славянским ареалом, второе — южнославянским. Легко обнаруживается дифференциальный признак 'каменный — не каменный'. Праслав. *zъdbъ* имеет соответствия в других индоевропейских языках с тем же значением: др.-прусск. *seydis*, греч. *τοῦχος* 'стена'. Это заставляет предположить немаркированность лексемы *zъdbъ* (*zidъ*). Это же оказывается достаточным для реконструкции микросистемы в следующем виде (схема 3).

Схема 3

Реконструкция подтверждается тем, что в сербохорватско-словенском ареале, где *zъdbъ* выступает в значении 'стена вообще', *stěna* имеет значение 'камень, скала'. Если признать это последнее значение праславянским, получит подтверждение традиционная этимология, согласно которой праслав. *stěna* соотносится генетически с прагерм. *staina* (гот. *stains* и др.) 'камень'⁸.

На примерах реконструкции микросистем [лес], [пицца], [стена дома] мы продемонстрировали возможности анализа по семантическим микросистемам для восстановления этимона. Далее мы постараемся показать на конкретных примерах, какое значение имеет данная методика для определения источника лексического проникновения. Предлагаемая здесь методика не является чем-то принципиально новым по сравнению с тем, что было предложено в наших прежних работах. Уже там мы доказали, что др.-исл. *bqrr* 'дерево', др.-англ. *bearu* 'лес, заросли' (в отличие от др.-исл.

ношению к *pitja* и *kъrtъ* остается в силе. Здесь же следует отметить, что наша прежняя реконструкция микросистемы [кормить] (В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза. . ., стр. 78) менее точна в силу своей предельной неполноты.

⁸ Иначе: Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 232—239.

barr 'игла, хвойное дерево') являются результатом лексического проникновения из праславянского в прагерманский. Приведенный выше анализ микросистемы [лес] должен подкрепить этот вывод. Из анализа видно, что лексема *borъ* с дифференциальным признаком 'хвойный (лес)' возникла вторично на севернославянской почве и поэтому никак не может рассматриваться как генетически тождественная прагерм. *baru*. Этот вывод подкреплялся морфологическим анализом, который показывает, что др.-исл. *bqrr* и др.-англ. *bearu*, так же как праслав. *borъ*, имеют *й*-основы, чего нельзя сказать о др.-исл. *barr* и др. В последнее время была предложена иная этимология для праслав. *borъ*. Ее автор, для которого, видимо, наши работы остались неизвестными, пишет, что славянские лексемы, восходящие к *borъ*, «никогда не значили только 'лес вообще'. Древнейшие формы обозначали 'pinus, сосну, хвою' и отсюда позднее 'хвойный лес' . . . для *bqrr/bearu*, наоборот, мы не нашли значения 'хвойный лес' . . . По нашему мнению, такое общеславянское ограничение свидетельствует как раз о том, что славянское слово не является праевропейским в собственном смысле этого слова, но относительно поздним»⁹.

Казалось, из этих абсолютно справедливых рассуждений должно вытекать все то, что было сказано выше, однако автор совершенно неожиданно заключает, что праслав. *borъ* и формально тождественное ему прагерм. *baru* ничего общего не имеют, и более того, праслав. *borъ* заимствовано из прагерм. *forhu* 'pinus' (др.-в.-нем. *forha*, др.-англ. *furh*, исл. *fura* и др. 'сосна'¹⁰). Семантический анализ не привел этимолога к правильным результатам, потому что праслав. *borъ* и прагерм. *baru* анализировались вне своих семантических микросистем.

Одним из важных аргументов в пользу того, что данная лексема возникла в языке как результат иноязычного проникновения, является наличие этимологических дублетов, лексемных пар, в которых один элемент может быть объяснен как исконный, а для другого такое объяснение невозможно. Др.-исл. *bqrr* имеет в качестве дублета др.-исл. *barr*. Однако в этом случае мы не обладаем такими формальными критериями, которые позволяли бы утверждать, что одна из лексем исконна, а вторая таковой не может быть (наличие *й*-основы у *bqrr* — лишь свидетельство его полной

⁹ F. E. Walter. Etymologische Bemerkungen. — «Slavia» XXXVI, 2, 1967, стр. 261—262.

¹⁰ Не говоря уже о том, что этот вывод совершенно не следует из предыдущего рассуждения, факт такого заимствования нельзя никак подкрепить формально. Если даже согласиться с Вальтером о возможности субституции прагерм. *f* > праслав. *b*, прагерм. *forhu* дало бы праслав. **borъ* (ср. надежное прагерм. *walha* > прасл. *volъъ*). Детали этой этимологии совершенно не выдерживают критики, и мы остановились на ней лишь для того, чтобы показать, какую важную проблему в настоящее время представляет «логика этимологического исследования».

формальной тождественности праслав. *borъ*). В других случаях наличие подобных этимологических дублетов доказательно. Так, наличие праславянского дублета *melko/melzivo* 'молоко/молозиво', второй элемент которого регулярно соответствует глаголу *mълzti* и имеет индоевропейские соответствия в лице лат. *mulgeo*, лит. *milžti* и др. с общим значением 'доить' (и.-е.* *młgʰ-*), наглядно показывает, что первый элемент, который не может быть объяснен аналогичным образом, является результатом лексического проникновения из прагерманского.

В этом случае мы обнаруживаем тенденцию, знание которой имеет несомненное эвристическое значение. Дело в том, что в условиях лексического проникновения проникающая в данный язык лексема сталкивается в нем со своим абсолютным синонимом. Если ей не удастся вытеснить исконную лексему, две абсолютно синонимичные лексемы перераспределяют между собой семантические дифференциальные признаки и, следовательно, образуют семантическую микросистему. В случае, когда вступившие в борьбу исконная и проникающая лексемы являются генетически тождественными (а это нередко бывает при контактах родственных языков), образуется семантическая микросистема, содержащая элементы одного происхождения, т. е. этимологические дублеты. Уже этот факт (наличие этимологических дублетов в пределах одной семантической микросистемы) сигнализирует о вероятности лексического проникновения. Поэтому сама фиксация праславянской семантической микросистемы *melko—melzivo* 'молоко—раннее молоко (молозиво)' указывает на вероятность лексического проникновения. Сам процесс, предположительно, восстанавливается следующим образом. Праслав. *melzivo* в силу того, что оно имеет индоевропейские соответствия со значением 'молоко' (гот. *miluks*, ирл. *mlicht*), должно было представлять немаркированный элемент семантической микроструктуры периода до проникновения из прагерманского. После реализации прагерм. *meluk* > праслав. *melko* между абсолютными синонимами *melko* 'молоко' и *melzivo* 'молоко' идет борьба, которая приводит к перестройке первичной семантической микросистемы. При этом *melko* занимает место немаркированного члена со значением 'молоко вообще' и вытесняет *melzivo* на позицию, прежде занимавшуюся маркированным членом со значением 'раннее молоко (молозиво)' ¹¹. Праслав. *melzivo* в свою очередь должно было вытеснить какую-то лексему со старым значением 'молозиво' ¹².

¹¹ Ср. рецензию Т. Милевского на наше исследование: RS XXVI, 1, 1966, стр. 134.

¹² Г. Ф. Вешторт в устном сообщении выдвинула интересную гипотезу о том, что праслав. *syръ* имело значение 'молоко'. Она основывалась на семантической внутренней реконструкции белорусских и восточнославянских *сырадой*, *сыракваш* и др., в которых первый элемент мог иметь

Аналогичный этимологический дублет мы наблюдаем в прагерм. *maþljan/meldan*. Второй элемент этого дублета принято, как известно, возводить к и.-е. **meldh-*: лит. *melsti*, *maldyti* 'просить, молить', *maldà* 'просьба, молитва', хетт. *maldai(i)* 'молиться, обращаться к богам с торжественным обещанием принести жертву', арм. *malt'ank'* 'молебен' (<**melt-*). Германские формы свидетельствуют о том, что общим значением для них является 'рассказывать, обвинять кого-либо публично, наговаривать, жаловаться на кого-либо, выступать просителем на суде' (ср. др.-англ. *meldian*, др.-в.-нем. *meldên*, *meldôn*, др.-сакс. *meldon* и др.). Ср. восходящие к *maþla-* др.-исл. *mál* 'собрание, речь, судебное дело', *mali* 'речь, просьба', др.-англ. *mæþel* 'собрание, речь', др.-сакс. *mahal* 'судебное дело' и т. д. Первый элемент данного этимологического дублета не имеет регулярных индоевропейских соответствий, что является сигналом о его неисконности. Анализ показывает, что изменения, происшедшие в нем по сравнению с исконной формой, повторяют изменения, характерные для праславянской лексемы, и поэтому мы считаем, что прагерм. *maþljan* < праслав. *modliti*¹³.

лишь значение 'молоко', но не 'сыр'. При этом она исходила также из того, что первичное значение 'молоко' было передано праславянскому германизму *melko*. Судя по алб. *hiþe* 'сыворожка' (и более трудному фонетически др.-инд. *ksira* 'молоко'), возможна формальная реконструкция праслав. *sъrъ*, генетически соотносенного с польск. *siara* 'первое молоко коровы' и др., лат. *serum* 'сыворожка' (*ēr/br/ř*). Вполне логичным было бы предположить в результате смены еров переход **sъrъ* > **sъrъ* (ср. *тъrъкъ* > *тъrъкъ*). Праслав. *sъrъ* 'молозиво' (*resp.* 'сыворожка') после вытеснения его праславянским *melzivo* могло смешаться с праслав. *syръ*. Во всяком случае ряд семантических рефлексаций праслав. *syръ* может быть таким образом объяснен. Обоснование алб. *h* < и.-е. *s* и сближение алб. *hiþe* и др.-инд. *ksira* см.: Н. Pedersen. Die Gutturale im Albanischen. — KZ 36, Н. 3, 1899, стр. 277.

¹³ Сопоставление праслав. *modliti* и прагерм. *maþljan* впервые осуществил О. Семереньи (O. Szemerényi. Principles of etymological research in the Indo-European. — «II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962, стр. 209—214). В 1963 г. вышла в свет наша монография о славяно-германском лексическом взаимодействии, в которой при рассмотрении пары *maþljan/modliti*, естественно, еще не могли быть учтены результаты исследования Семереньи. Сопоставляя славянский и германский глаголы, Семереньи приходит к выводу об их генетическом тождестве (и.-е. **mōtleyō*). В последнее время, полемизируя с нами, он подтвердил эту свою этимологию (О. Семереньи. Славянская этимология на индоевропейском фоне. — ВЯ, 1967, 4, стр. 17—18). С его замечанием по поводу нашего объяснения субституции праслав. *dl* > прагерм. *þl* следует согласиться, однако непонятным по-прежнему остается соотносительность праслав. *modliti* с его индоевропейскими параллелями. Семереньи считает «миражем» славяно-балтийское соответствие, но он ничего не говорит о хеттских и армянских формах, и в частности о славяно-хеттской изоглоссе, установленной Вяч. Вс. Ивановым (Вяч. Вс. Иванов. Русское *молить* и хеттское *maldai(i)*. — «Этимологические исследования по русскому языку», I. М., 1960, стр. 80; Он же. Общинеоевропейская, праславянская и анатолійская языковые системы. М., 1965, стр. 104; V. V. Ivanov. Indo-

В заключение рассмотрим пример того, как внутренняя реконструкция получает неожиданное подтверждение внешним сравнением.

При помощи анализа по семантическим микросистемам мы восстановили прагерм. *tila* 'обработанная земля', которое образует этимологический дублет с др.-исл. *fel* 'почва' и параллелями к нему, регулярно восходящими к праслав. *tylo* 'почва', лат. *tellus* 'земля', *Tellus* 'богиня плодородия', др.-ирл. *talam* 'земля' и др.

Естественно, что в этом случае мы вправе предполагать лексическое проникновение праслав. *tylo* > прагерм. *tila*. Надежность этого утверждения во многом зависит от того, насколько точно мы реконструировали прагерм. *tila*.

В настоящее время наши знания пополнились еще одним свидетельством в пользу реконструкции прагерм. *tila* 'обработанная земля'. В. И. Абаев привел осетинскую (дигорскую) параллель к германским формам — *tillæg* 'уродившийся хлеб, урожай' и одновременно признал возможность заимствования германского *tila* < из слав. *tylo* ¹⁴. В связи с этим, мы полагаем, осет. *tillæg* с уверенностью может рассматриваться как заимствование из готского, ср. доказательства Абаева в пользу заимствования осет. *æluton* 'пиво' из гот. *aluþ* ¹⁵. (Готская форма не зафиксирована, однако германские параллели позволяют ее восстановить.) Если это так, то осет. *tillæg*, в котором легко выделяется продуктивный суффикс *-æg*, может считаться результатом проникновения гот. *til(a)* (имя среднего рода с основой на *-a-*), для которого до сих пор известно было вторичное абстрактное значение 'благоприятное условие', а сейчас может быть восстановлено первичное 'плодородная, урожайная земля' (ср. др.-англ. *tilian* 'обрабатывать землю' и *tilian* 'предусматривать, обеспечивать, создавать благоприятные условия').

Рассмотренные примеры призваны были продемонстрировать методику анализа по семантическим микросистемам и его эвристические возможности.

European verb: two series of forms. — «X-ème Congrès International des Linguistes. Résumés des Communications». Bucarest, 1967, стр. 158). Таким образом, на одной чаше весов оказывается соотношение праслав. *modliti* с лит. *mal-dyti* 'просить, молить', хетт. *malda(i)* 'молиться', арм. *mal't'ank'* 'молебен', *mal't'em* 'прошу', др.-англ. *meldian* 'жаловаться' (не слишком ли много совпадений?), на другой — соотношение с прагерм. *maþljan*. С одной стороны, формы, зафиксированные в противоположных ареалах индоевропейской языковой территории, с другой — формы двух пограничных ареалов.

Что касается субституции *dl* > *þl*, то она, возможно, является альтернативной к *dl* > *dul*, т. е. имеющей место при иных, пока еще неясных комбинаторных условиях.

¹⁴ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 24.

¹⁵ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958, стр. 130.

В первых трех примерах мы показали способы реконструкции целых семантических микросистем. Здесь следует иметь в виду, что восстанавливаемое число маркированных членов не может быть гарантировано. Всегда существует возможность пополнения. Однако реконструированные праславянские микросистемы типа [лес], [пища] и [стена дома] определенно претендуют на надежное восстановление больших фрагментов семантических микросистем. Внутренняя реконструкция семантики лексем, относящихся к праязыковому состоянию, позволяет произвести их более надежное генетическое соотнесение с лексемами других языковых групп.

В следующих трех примерах демонстрируются возможности определения источника лексического приникновения, причем в третьем из них показано, как внешнее сравнение подтверждает надежность внутренней реконструкции.